

тели в силу своей научной добросовестности предвидеть. Для анализа современного состояния национального вопроса в СССР вовсе не надо пытаться понять, что же в конце концов имели в виду авторы «Манифеста Коммунистической Партии» — признавали они за нациями историческую перспективу или нет. А для практической политики было бы неосторожно рассматривать многочисленные высказывания В. И. Ленина о слиянии наций при коммунизме в качестве непосредственного руководства к действию, против чего, кстати, сам В. И. Ленин неоднократно возражал.

В статье затронуты не все аспекты национального вопроса в СССР, рассмотрены не все его уровни и виды взаимосвязей. Многие рассуждения автора наверняка вызовут у читателей неоднозначную реакцию, сомнения и возражения; сам автор готов согласиться с правомерностью таких сомнений и возражений. Один-единственный «простой» вопрос, который уже однажды был задан, способен перечеркнуть всю концепцию, изложенную в статье: «Так ли уж верно, что национальные противоречия составляют объективную и непреходящую основу реальных национальных проблем в советском обществе?» Но это будет иной подход, иная философия национального вопроса.

**ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ В. В. ПИМЕНОВА
«ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЭТНОГРАФА:
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСТРОЙКИ» ***

Вопросы, связанные с подготовкой специалистов-этнографов, назрели давно. Это не случайно и во многом определяется колоссальным сдвигом в развитии этнографической науки, прежде всего в теоретическом обосновании ее объектных и предметных областей. В итоге в качестве приоритетных исследовательских тем выдвинулись те из них, которые имеют непосредственный выход в практику и связаны с насущными проблемами социального, экономического, культурного развития страны.

Известно, что совершенствование социализма зависит от трудовой и социальной активности людей; непосредственными носителями национального выступают конкретные люди. Поэтому закономерно на январском Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что нет ни одного принципиального вопроса, который мы могли бы, как в прошлом, так и сейчас решать без учета того, что живем в многонациональной стране. Это особенно касается многонациональных районов страны, где с давних пор чересполосно живут представители различных национальностей, имеющих веками выработанный, только им присущий культурно-бытовой уклад. Учет национальных особенностей при социально-экономическом и культурном планировании, бережное отношение к духовным ценностям, языку различных народов способствует установлению хорошего микроклимата в общении людей, активизации человеческого фактора, а следовательно, успешному решению стоящих перед страной задач.

Совершенно очевидно, что в многонациональных районах, крупных многонациональных коллективах — а их много в каждой республике и области Советского Союза — должен быть специалист-этнограф, который мог бы давать научно обоснованные рекомендации по оптимизации межэтнических отношений, прогнозированию и управлению этническими процессами. Особенно это важно сейчас, когда пересматриваются многие положения, связанные с развитием национальных отношений в СССР, и поколеблен тезис о том, что в этой сфере нет проблем. Национальные отношения — очень сложная сфера общественных отношений. К их регу-

* Сов. этнография. 1988. № 3.

лированию можно подходить только с глубоким знанием культуры и быта совместно живущих народов, пониманием закономерностей их исторического и современного развития. Отсюда настоятельная необходимость подготовки высококвалифицированных профессиональных этнографов и наиболее эффективного их использования в народном хозяйстве.

Однако до настоящего времени все эти положения существуют лишь в форме «правильных слов» и не могут пробить порожденного общественным развитием последних десятилетий бюрократического заслона. В общегосударственном масштабе это проявляется в недооценке этнографии как историко-социальной дисциплины, призванной решать важнейшие проблемы исторического и современного культурно-бытового развития народов. В настоящее время у многих вузовских ученых — историков, обществоведов, не говоря уже о представителях других наук, сохранилось представление об этнографии в лучшем случае как о вспомогательной исторической дисциплине, изучающей лишь традиционную культуру, различные пережиточные явления в области материального и духовного быта, необходимые для восполнения отдельных страниц исторического развития того или иного народа. Не было понимания важности этнографических знаний для решения насущных задач и в бывшем Министерстве высшего и специального образования СССР, нет его и среди многих практических работников, ведающих вопросами социально-экономического и культурного планирования. Многие из них не только не имеют представления об этнографии и ее возможностях для решения современных проблем этнического развития, но вообще исходят из того, что никаких проблем в области национальных отношений у нас нет. Такая позиция немало способствовала развитию тех негативных явлений в области национальных отношений, с которыми мы столкнулись за последнее время в различных регионах страны. Безусловно назрела необходимость не только подготовки высококвалифицированных специалистов-этнографов, но и коренного изменения этнографического образования в стране в целом.

Этнографическая неграмотность начинается в школе. Материалы по этнографии отсутствуют в школьных учебниках гуманитарного и естественного циклов. Учащиеся заканчивают школу без знания разнообразия культурно-бытовых особенностей народов как нашей страны, так и зарубежных стран, без понимания сложных проблем современного этнического развития народов. Многие учащиеся, поступающие в университет, заученно говорят о полном торжестве ленинской национальной политики, единстве и дружбе народов нашей страны, полном сближении наций, о быстром распространении русского языка и т. д. и т. п. В школе эти положения постулировались как сами собой разумеющиеся. Поскольку в школьных программах нет этнографических сведений, отсутствует спрос на учителей, обладающих суммой соответствующих знаний; в педагогических институтах нет даже элементарного курса этнографии. Не лучше обстоит дело с этнографическим образованием в большинстве университетов страны, выпускающих специалистов по педагогическим специальностям. Так, на исторических факультетах лекционные часы по элементарному курсу этнографии неуклонно сокращаются (в настоящее время 36 по программе первого курса), и редко где этот курс читается специалистами-этнографами. На географических факультетах также читается 36-часовой курс «География населения и этнография», в котором, судя по имеющейся вузовской программе, об этнографии по существу не дается никакого представления. В подготовке же специалистов-обществоведов этнография как учебный предмет вовсе отсутствует. Отсюда следующий уровень этнографического «незнания», который сводит до минимума потребность в выпуске специалистов-этнографов, достаточно подготовленных для преподавания этнографических курсов не только в школе, но и в вузе. В результате в стране кафедры этнографии существуют лишь в пяти университетах, а Минвуз не собирался увеличивать подготовку квалифицированных этнографов и препятствовал откры-

тию кафедр этнографии даже в тех университетах, где для этого имелись все возможности. Так, в Казанском университете более 100 лет тому назад одновременно с Московским университетом была открыта кафедра географии и этнографии. В Казани в 1916 г. был создан, просуществовавший до 1922 г. Археологический и Этнографический институт — первое в нашей стране учебное заведение, готовившее профессиональных этнографов. В Казани в настоящее время трудом предшествующих поколений создана солидная научная и учебная база для чтения лекционных курсов по этнографии, проведения практических и семинарских занятий. Это многочисленные наглядные пособия в виде разнообразных картин, таблиц, фотографий, рисунков, бытовых вещей, сосредоточенных в крупнейшем в нашей стране этнографическом музее учебно-вспомогательного типа. Все это собиралось в течение 180 лет существования Казанского университета. Наконец, Казанский университет, расположенный в центре многонационального Поволжья, — прекрасное место для проведения студенческой практики и одновременно район, где необходимо безотлагательно решать многие вопросы национального развития совместно живущих народов. Однако все обращения в бывший Минвуз СССР с соответствующими обоснованиями остались без ответа и решения, несмотря на то что в процессе подготовительной работы мы получили заявки от различных заинтересованных организаций в регионе на подготовку 40 специалистов-этнографов ежегодно. Между тем даже в существующих условиях возможности подготовки этнографов в Казанском университете постоянно сокращаются. Начиная с 1947 г. в университете ежегодно готовилось четыре-пять этнографов (за счет студентов-энтузиастов из числа географов и историков), которые дополнительно к существующему учебному плану факультативно сдавали ряд этнографических дисциплин, участвовали в этнографических экспедициях, писали курсовые и дипломные работы по этнографии. К настоящему времени подготовка этнографов на историческом факультете прекратилась. Кафедры стараются включить всех студентов в темы своего научного направления, препятствуя развитию этнографической тематики. Студенты-этнографы работают сейчас в основном преподавателями истории и географии в средних школах. Очень немногие попали в научно-исследовательские институты и музеи. Даже большинство этнографов, защитивших кандидатские диссертации по этнографии, работают не по специальности. Видимо, это будет продолжаться до тех пор, пока не появится осознанная необходимость широкого этнографического образования, подготовки специалистов-этнографов и их активного участия в современной жизни.

Не исключено, что этнографическая неграмотность населения, слабое знание культурно-бытовых особенностей соседних народов, игнорирование специфики их исторического и современного развития может породить новые негативные явления в области национальных взаимоотношений.

В статье В. В. Пименова затронуты множество вопросов, связанных с усовершенствованием вузовских программ в рамках существующей специализации. Справедливо ставится вопрос о коренной перестройке учебных планов, выделении приоритетных научных направлений, повышении качества лекций, практических и семинарских занятий. Выделение приоритетных тем, нацеленных преимущественно на изучение современных этнических и культурно-бытовых процессов, является в настоящее время совершенно необходимым. Этого требует сама жизнь. Этнографическая наука, основным предметом которой является изучение этноспецифических черт образа жизни народов на всем длительном пути их исторического развития вплоть до современности, должна быть приближена к практике, к решению актуальных задач, стоящих в стране в период перестройки. Закономерно подняты в обсуждаемой статье и другие проблемы, направленные на улучшение подготовки профессиональных этнографов. Это и активизация работы студентов, развитие их творческой инициативы, включение студенческих научных работ в научную пробле-

матику кафедры и др. Все эти вопросы, закономерно стоящие перед высшей школой, направлены на улучшение подготовки молодых специалистов и по другим отраслям науки. Но они актуальны лишь для тех пяти этнографических кафедр, которые у нас имеются. Если даже в ближайшее время будет открыто еще две-три кафедры, то все равно проблемы подготовки профессиональных этнографов и широкого этнографического образования в стране решены не будут. При этом ясно одно: какими бы знаниями и навыками ни обладал специалист-этнограф, высшее этнографическое образование имеет смысл в том случае, если его в полной мере можно приложить в последующей практической деятельности. Следовательно, нужно думать о всем комплексе проблем, связанных с этнографическим образованием: от подготовки специалистов до их распределения и практического применения полученных ими знаний. Для этого следует провести целый комплекс мер. Необходимо ввести элементы этнографии в школьные программы и учебники по истории и географии, ввести курс общей этнографии и этнографии региона в педагогических институтах, институтах культуры и для всех обществоведов; ввести для желающих специализироваться по этнографии курсовые и дипломные работы, обязательные учебную и производственную практики и начать подготовку специального вузовского учебника по этнографии для университетов, где отсутствуют кафедры по этнографии. В самом деле, в существующем учебнике на теоретические проблемы современной этнографии, историю науки, характеристику современных зарубежных научных направлений, классификации народов мира и др. отведена лишь десятая его часть. Основную его часть составляет описательное страноведение. Этот учебник является очень хорошим пособием для тех университетов, где имеются кафедры этнографии или специализация по этнографии, где студенты после прослушивания курса основ этнографии имеют возможность в специальных курсах более полно и глубоко ознакомиться с отдельными разделами этнографической науки. В абсолютном большинстве университетов таких возможностей нет. Элементарный курс этнографии на первом курсе ограничивает всю этнографическую подготовку. Поэтому учебник должен давать более глубокое представление о современной этнографии, ее проблемах, методах, разнообразии современных этнических и культурно-бытовых процессов. Мне думается, что вопрос о программе элементарного курса по основам этнографии для исторических факультетов университетов — а такой учебник можно будет использовать и в педагогических вузах для широкого этнографического образования — не дело будущего, как говорит В. В. Пименов. Это насущная необходимость сегодняшнего дня. Наконец, нужны более решительные меры для того, чтобы планирующие организации предприняли шаги для реального воплощения всех наших предложений.

По-видимому, для решения этих вопросов необходимо создать специальный координационный центр с привлечением ведущих этнографов страны. Этот центр помимо выработки конкретных предложений по улучшению этнографического образования в стране стал бы связующим звеном этнографических подразделений с Госкомитетом СССР по народному образованию и другими министерствами и ведомствами в деле наиболее эффективного и целесообразного использования этнографов в народном хозяйстве, культурном строительстве и подготовке этнографических кадров. Дело это сложное, требующее больших затрат сил и времени. Но это та доля ответственности, которую мы, специалисты-этнографы, должны принять на себя.

Е. П. Бусыгин

Прежде всего следует отметить своевременность постановки в нашем профессиональном журнале вопроса о совершенствовании этнографического образования. Ведь в настоящее время все сферы жизни общества, в том числе наука и высшая школа, находятся в начале перестройки и обсуждают свои самые насущные проблемы. Следует сказать, что система подготовки специалистов должна быть ориентирована даже не на

сегодняшний, а на завтрашний день науки: анализируя, чего не хватает специалисту-этнографу сегодня, мы обязаны предвидеть, каким специалистом должен быть завтра. Сейчас все очень отчетливо понимают, что обществоведение сильно «задолжало» обществу. Есть свои долги и у этнографии, ведающей изучением истории становления народов и развития их культуры. Для того, чтобы возвращать долги, нужно взвесить нашу «платежеспособность», установить свою иерархию долгов («первостепенные», «второй очереди» и т. д.), определить, какие из них можно выплатить немедленно из накопленных фондов, а к чему надо готовиться на завтра. Первое возможно на современном уровне развития науки и системы подготовки специалистов, а второе — предполагает внесение изменений в эту систему. И то, и другое нуждается в широком обсуждении. Хочу высказать лишь некоторые соображения на этот счет.

Для начала немного истории. Не секрет, что система этнографического образования не вполне соответствует задачам этнографической науки сегодняшнего дня. Только ведь это не вина системы образования, а беда всей этнографической науки, длительное время ориентировавшейся исключительно на изучение прошлого — этногенеза, этнической истории, традиционно-бытовой культуры доиндустриального уровня. Именно на основе такой ориентации сформировалась существующая система подготовки этнографов, заложенная нашими учителями — С. П. Толстовым, С. А. Токаревым, Н. Н. Чебоксаровым. Причем это действительно была (и есть) система, стройная, продуманная, отвечающая и отвечающая потребностям развития науки в таком понимании ее предмета. А когда сам предмет этнографии стал меняться, наша наука оказалась к его изучению (в новом, расширенном его осмыслении) не вполне готовой. Предпринимавшиеся попытки исследовать жизнь народов индустриально развитых стран традиционными методами оказались не достаточно эффективными для того, чтобы адекватно отразить объект во всей его сложности и многообразии связей и зависимостей, в его динамике.

Когда не хватает методов в арсенале собственной науки, они заимствуются у соседей. Поскольку этнонациональные процессы в современном обществе тесно связаны с социальными, вполне закономерным было заимствование методов из арсеналов социологических исследований. Сформировалось новое направление — этносоциология, благодаря которому мы теперь располагаем методикой изучения социальной динамики в этническом разрезе и неплохо представляем себе тенденции этого процесса. Появились разнообразные методики подхода к этносу как системе, состоящей из некоего подвижного набора компонент, отрабатываются статистические приемы измерения этих компонент и их соотношения в структуре этноса (по крайней мере как материализовавшихся признаков этноса). Получают права гражданства такие новые направления, как этноэкология, этнопсихология, этнодемография, этнолингвистика и пр., также заимствующие немало подходов из других, смежных и более далеких, отраслей научного знания. Все это потребовало привлечения новых сил из иных, иногда далеких от истории, областей знания, и это полезно для этнографии. Но одновременно это же породило расхожие мнения о том, что старая школа исторической этнографии себя исчерпала и потому плоха, и даже о том, что этнография вообще не историческая или не только историческая дисциплина.

На мой взгляд, нет ничего более ошибочного и опасного для перспектив нашей науки, чем последнее мнение, ибо из всего цикла исторических дисциплин этнография, имеющая дело с культурой народов, ее становлением, видоизменением и развитием, ее судьбами — наиболее гуманитарная и историчная по своей природе дисциплина. Без последовательного диалектического историзма продолжающееся заимствование методик, какими бы перспективными они ни были или ни казались, вообще не имеет смысла: это строительство здания без заранее обдуманного плана. Все новые методики пока помогают нам с разных точек зрения измерять объект — современные этносы, но мало приближают к пониманию его природы, сущности и закономерностей развития. Полагать, что

сам процесс измерения этноса, совершенствуя свои методики, выведет науку на понимание природы этноса как явления, было бы не только наивностью, но и отбросило бы науку на несколько десятилетий назад к полузабытому и поросшему мхом операционализму.

Для нормального функционирования системы подготовки необходимо в первую очередь другое. Наука, как известно, не есть истина, она — лишь инструмент для постижения истины. Готовящийся специалист должен овладеть своим ремеслом, то есть знать, как пользоваться инструментом, что можно, а чего пока нельзя постичь и создать при его посредстве; он должен также представлять себе современный уровень постижения истины, достигнутый с помощью имеющихся у науки средств. Главное, что должна прививать новому пополнению каждая нормальная система подготовки — это ясное представление о том, на чем остановилась наука со всеми имеющимися у нее инструментами, где они перестают работать, что — за достигнутым потолком, дальше него. Студент, действительно, не сосуд и не факел, а личность. Что из этого следует? Как использовать этот личностный фактор в системе подготовки специалиста? Здесь можно обратиться к опыту героя известной сказки К. Чапека, сообразившего, что всякого человека, и даже волшебника, надо ловить на его собственные слабости. Из множества слабостей личности одна всеобщая, объединяющая всех людей — это интерес. Если удастся соотносить задачи, стоящие перед этнографией, с тем уровнем науки, на котором она находится, показать пределы возможного сегодня постижения и чуть-чуть заглянуть в сакраментальное «что дальше?» — тогда и только тогда мы можем рассчитывать на рождение нужного специалиста, а любыми методиками, необходимыми для того, чтобы идти дальше нас, он овладеет, движимый уже своим интересом.

Пока мы выходим из положения не столько за счет собственно этнографии (ибо она на хорошем уровне показывает этническую историю народов и их традиционную доиндустриальную бытовую культуру, и очень фрагментарно — современные этносоциальные и этнокультурные их особенности), сколько за счет широты и глубины исторического образования на тех факультетах, где она преподается. А потому важнейшая задача ближайшего будущего — создание стройной концепции развития этнокультурных аспектов мирового исторического процесса, роли в нем этнического фактора. Об этом сейчас много говорят и пишут, но пока все сказанное далеко от потребностей научного познания, а, следовательно, и практики. Более всего это касается современного (в новое и новейшее время) этапа универсализации всемирного общения народов, которую выявили и отметили еще основоположники марксизма как необратимую тенденцию в прогрессивном развитии человечества. Об этом процессе как едином целом не даст представления ни одна наисовершенная методика измерения этносов, применяемая без последовательного сочетания с принципами марксистского историзма (в данном контексте в смысле постижения взаимосвязи этноса и этнических факторов со всеми прочими формами социальной связи и социальными факторами во всей исторической глубине их возникновения, развития и движения). Именно здесь так необходимо научное представление о стадийных закономерностях и локально-исторических особенностях этнокультурного развития народов, о том, какую роль играют эти особенности в функционировании всей мировой системы универсального общения, и как она, эта система, в свою очередь оказывает обратное воздействие на этнокультурный облик народа.

Без понимания места этнокультурных черт в системе жизнедеятельности, вариантов и способов их сочетания с остальным миром социально-культурных явлений (в широком смысле), их связанности и принципов связи с этим миром невозможна и та отдача от науки, на которую ориентирует ее на современном этапе партия. В юбилейном докладе М. С. Горбачева справедливо констатировано, что «мы живем в многонациональной стране, где любые социально-экономические, культурные, правовые решения прямо и непосредственно затрагивают и национальный вопрос»,

а призыв «действовать по-ленински: максимально развивать потенциал каждой нации, каждого из советских народов» означает для нас необходимость прежде всего выявления особенностей сочетания этнокультурных факторов со всеми остальными социальными факторами, с тем, чтобы, как это всегда понималось в марксистской теории и социальной практике, этнокультурные черты не были препятствием для свободного и равноправного общения народов в любой сфере жизнедеятельности (что, как известно, не исключает развития этнокультурного своеобразия народов на своей собственной культурной основе, а, напротив, предполагает его).

Итак, осмысление характера и типов связи этнокультурных явлений и процессов со всеми другими явлениями и факторами социального бытия народов является, с моей точки зрения, важнейшей задачей завтрашнего дня этнографии, но такой задачей, готовиться к выполнению которой нужно уже сегодня.

Но есть долги первоочередные, немедленные, которые мы можем и обязаны выплатить сегодня. Как это, может быть, ни парадоксально, они в большей мере касаются исторической этнографии. Огромный интерес современной культурно и политически выросшей читательской аудитории всех народов и языков нашей страны к своим собственным истокам и корням, к своей истории — это закономерный результат культурного и политического роста, дающего толчок росту этнического самосознания и исторического сознания вообще. Дефицит хороших популярных работ по истории культуры народов и истории ее развития порождает вакуум, немедленно заполняющийся кустарными поделками (в сфере беллетристики, научно-популярной литературы, кино, публицистики) на уровне, очень далеком от исторической истины. Все это, при очевидных недостатках широкого массового исторического образования, почти ничего не дающего современному советскому школьнику по истории культуры и культурных традиций как своего, так и соседних народов, попадает на почву обыденного сознания, питающегося из старых источников и воспроизводящегося при посредстве старых бытовых стереотипов, весьма устойчивых по природе. Нередко посев на такой почве производится далекими от науки людьми с сомнительными политическими убеждениями и лозунгами.

Обо всем этом в последнее время много говорится с высокой партийной трибуны и пишется в партийной печати. Очень убедительно высказался на эту тему казахский драматург К. Мухамеджанов, анализируя истоки событий декабря 1986 г. в Алма-Ате («Правда, 6 октября 1987 г.»). Подобный вакуум существует и в работах по истории русской культуры, этнографии русского народа. И вот известный и талантливый советский писатель (В. И. Белов) пишет очерки о русской народной эстетике, в которых все правда, только ведь это не вся правда о народной жизни, а ее небольшая (и не главная) доля. Следом за ними он же публикует роман, в котором тоже правда об омерзительности современного городского бытия. Но опять это не вся и не главная правда. А из двух частичных правд выстраивается в определенную схему большая ложь, ведущая в противоположную от истины сторону.

Из этого следует, что ни в коей мере нельзя ослаблять внимания к проблемам исторической этнографии наших, прежде всего, народов (как и зарубежных) ни в рамках академической науки, ни в преподавании этнографии в вузах. Этнографов в стране и так слишком мало, и так они не в силах справиться с потребностями современного общества в хорошем научном знании своего национального прошлого (и далекого, и недавнего). А растущее самосознание народов предъявляет спрос к нашему профессиональному цеху прежде всего и больше всего именно в освещении этих проблем. Значит, мы не имеем права ничего утрачивать из сложившейся и работающей системы историко-этнографического образования. Напротив, следует развивать и укреплять.

Но это еще не все сегодняшние долги этнографической науки и системы ее воспроизводства. Есть еще одна сторона и грань в обрисован-

ной проблеме, игнорировать которую нельзя. Мы декларируем, что этносом может называться только тот народ, который осознает себя в качестве такового, обладает этническим самосознанием, и ставим на этом точку. Кажется, этнография давно и напрочь забыла ту истину, что имеет дело не только с объектом (этносом), который она изучает научными методами, но и с этносом-субъектом, который сам, по другим законам и с помощью других механизмов (среди коих наш профессиональный механизм — только крошечный винтик) осознает и интернализует в сознании сам факт своего исторического бытия. Мы не изучаем (по крайней мере на современном материале) ни сам феномен народного исторического сознания, ни закономерности, механизмы, тенденции его воспроизводства и развития. И это не только странно, но и преступно с профессиональной точки зрения, ибо чем меньше в жизни этноса остается бытовых этнокультурных аксессуаров, тем большее место в этническом бытии народа занимает его историческое сознание. Это тем более недопустимо, что за последнее столетие все значительнее становится динамизм внутриэтнической жизни и межэтнического взаимодействия народов страны. Народы, в недалеком прошлом по демографическому составу в основном аграрные, за короткий срок превратились в урбанизированные. Огромная перемена в образе жизни не могла не сказаться и на историческом сознании. Как бы ни были велики трудности и тяготы сельской жизни, человек все же жил в гармонии с природой. В городе он эту гармонию утратил: хотя физически жизнь легче, горожанин испытывает психологические перегрузки. Это общеизвестно. Так же очевидно и то, что нынешний духовный дискомфорт заставляет человека обращаться к недалекому прошлому, из которого народное самосознание извлекает и идеализирует прежде всего именно то, что не устраивает в сегодняшнем своем бытии новообращенного горожанина. В этой психологической коллизии следует, видимо, искать причины возникновения и определенной популярности «Памяти» и подобных ей организаций. А вот, чтобы доказать это нынешнему просвещенному обществу, наука обязана изучать сам феномен народного исторического сознания, его становления и развития как непрерывный процесс. Этот долг может быть выплачен обществу на современном уровне и научных исследований, и подготовки специалистов. Необходимые навыки и приемы исследования для этого есть.

Такова, на мой взгляд, иерархия первоочередных и последующих долгов этнографии и этнографического образованию обществу. Есть, конечно, и у нашего цеха свой счет к обществу. Это прежде всего, укоренившееся и не преодоленное до сих пор непонимание обществом важнейшей и актуальнейшей роли нашей науки в сегодняшней динамичной культурной, политической и социально-экономической жизни народов, место на задворках исторического познания, прочно отведенное этнографии и общественным сознанием, и планирующими директивными органами, как якобы науки об исчезающей на глазах бытовой культуре и древних обычаях народов. За такое заблуждение общество начинает платить дорогой ценой — непрогнозируемыми (за отсутствием практики прогнозов) экстремальными ситуациями, связанными с национальными отношениями. Но смысл этих замечаний — не в предъявлении и сведении каких-либо счетов, а в призыве к широкому и серьезному обсуждению самых насущных проблем и перспектив нашего профессионального существования для устранения преград и создания оптимальных условий в соотношении между потребностями науки, социальной практики и задачами системы воспроизводства научных кадров.

В. В. Карлов

Вопросы этнографического образования и подготовки специалистов-этнографов сравнительно мало обсуждались в отечественной и зарубежной литературе¹. Широкие дискуссии по этим проблемам не проводились скорее всего потому, что довольно сложно сопоставлять направления подготовки этнографов в разных университетах, так как в каждом из них существуют свои специфические особенности и возможности преподавания этнографии, причем довольно существенно различаются направления и задачи специализации студентов и аспирантов. Так, если на кафедрах МГУ и ЛГУ подготовка ведется по широкому профилю этнографии народов мира и истории первобытного общества, то в других университетах обучение этнографов сосредоточивается главным образом вокруг изучения населения соответствующих республик и областей. При этом в основу курсовых и дипломных работ, диссертаций, статей, монографий кладется поистине неоценимый полевой этнографический материал, который собирается в регионах и вскоре будет невосполним. И такую специализацию, исходя из нужд науки, потребности в этнографах, возможностей их распределения на работу по специальности, следует признать в принципе верной, хотя это и приводит к некоторой ограниченности молодых специалистов, что в какой-то мере сужает их возможности в преподавании и ведении научной работы. Поэтому, признавая большую полезность обмена опытом, следует строго учитывать возможности каждого учебного центра.

Однако наше время настоятельно требует принципиально новых подходов к решению задач, поставленных партией и правительством. Перестройка выдвигает важнейшую жизненную задачу глубокого качественного улучшения профессиональной подготовки молодых специалистов и аспирантов-этнографов.

Как понимать фундаментальность образования в области этнографии, какие дисциплины следует относить к числу фундаментальных, каково должно быть содержание и направление всего комплекса преподавания, что понимать под высоким качеством нашего «конечного продукта» — выпускаемых специалистов — вот основные вопросы, волнующие преподавателей этнографии. Уверен, что решение этих вопросов даст возможность повысить качество и эффективность этнографического образования и выработать отвечающие задачам наших дней учебные планы и программы. Однако следует отметить, что перестройка невозможна без всестороннего и глубокого анализа того, как в течение десятилетий происходила подготовка молодых специалистов, в чем ее положительные и отрицательные стороны, что нуждается в усовершенствовании или принципиальном изменении. Для этого необходимо тщательно оценить прежде всего уровень подготовки студентов и аспирантов, выпускаемых кафедрой этнографии МГУ и другими учебными заведениями. Только такой анализ может быть основой для ведения разговора на конкретной и принципиальной основе и выработки практических решений.

С этих позиций выскажу соображения, основанные на почти полувековом опыте преподавания этнографии и истории первобытного общества в стенах Московского университета. Еще раз напомню, что опыт этот специфичен для условий Московского университета и не может быть механически перенесен на другие центры этнографического образования как в силу разной потребности в этнографах определенных специальностей, так и ограниченности состава преподавателей по отдельным областям этнографии, истории первобытного общества, вспомогательным дисциплинам.

Стратегия и тактика этнографического образования в МГУ, весь его комплекс были детально разработаны и введены в практику С. П. Толстовым, Н. Н. Чебоксаровым, С. А. Токаревым и в целом успешно вы-

¹ См., например: *Tokarev S. A. Ethnographie an der Moskauer Universität in den Jahren 1917—1970*//*Ethnologia Slavica*. Bd. IV. Bratislava, 1972; *Markov G. Die Ausbildung der Ethnographen in der UdSSR*//*Ethnographische-Archäologische Zeitschrift*. Bd. 18. В., 1977; *Лашук Л. П., Марков Г. Е. Кафедра этнографии*//*Историческая наука в Московском университете*. М., 1984.

держали проверку временем. Уровень подготовки выпускаемых кафедрой этнографии МГУ молодых специалистов достаточно высок, о чем свидетельствуют педагогическая и научная деятельность ее выпускников, их научные публикации, кандидатские и докторские диссертации, работа в качестве профессиональных этнографов в Институте этнографии АН СССР, учебных и научных учреждениях, в том числе в музеях союзных республик и областей нашей страны, а также за рубежом.

Концепция подготовки этнографов в МГУ основана на идее о необходимости получения студентами и аспирантами кафедры широкого образования прежде всего по фундаментальным основам этнографии — региональному страноведению и проблемам истории первобытного общества, учитывая при этом комплексность этнографических исследований.

Не только в наиболее общем, но и в конкретном виде эти принципы сохранялись и в дальнейшем, когда преподавание и учебный процесс совершенствовались с учетом современных требований науки к разработке основополагающих проблем этнографии. Рассмотрим главные направления учебного процесса.

Хотя специализация по этнографии начинается только с третьего курса, уже на втором курсе ведутся два важнейших факультатива для желающих специализироваться по этнографии. В течение ряда лет будущие этнографы слушают лекции и сообщения ведущих ученых Института этнографии АН СССР о новейших направлениях научных исследований, новых концепциях, знакомятся с перспективами развития науки, что имеет очень большое значение для ориентации студентов в этнографической проблематике и помогает в выборе специализации. Другой факультатив знакомит студентов второго курса с основами полевой этнографической работы, в которой им предстоит участвовать после завершения четвертого семестра.

На третьем курсе будущим этнографам читаются курсы по ряду фундаментальных проблем: страноведению — курс «Этнография народов СССР», начало цикла по этнографии зарубежных стран, источниковедению, истории хозяйства и материальной культуры, антропологии и т. д.

На четвертом курсе наряду с лекционными курсами по фундаментальным проблемам: страноведению, проблемам истории первобытного общества, историографии этнографии — предусматривается углубленная специализация. С этой целью читаются специальные курсы, проводятся специальные семинары. Знакомятся студенты и с основами социологии. Разработка новейших направлений в этнографической науке сделала необходимым введение курсов по теории этноса и культуры.

Пятый курс посвящен работе над дипломным сочинением, прослушиванию специальных курсов. Однако при этом существенную часть 9-го семестра занимает педагогическая практика, что заметно ограничивает время работы над дипломом.

По объективным причинам в отдельные годы, а иногда в течение ряда лет полностью не удавалось выполнять оптимальную программу. Нерегулярно читались курсы по этнографии Северной, Центральной и Южной Америки, лекции по истории социальной организации в первобытном обществе и т. п. Это объясняется как недостатком специалистов, так и тем, что большая часть сотрудников кафедры имеет педагогическую (не говоря уже о научной) нагрузку, существенно превышающую действующие нормы. Тем не менее кафедра, используя постоянную помощь Института этнографии АН СССР, все же добивается того, что студенты, а в случае необходимости и аспиранты, не имеющие базовой этнографической подготовки, получают достаточные знания по всем фундаментальным проблемам этнографии и истории первобытного общества, практические навыки полевой работы и сведения по вспомогательным дисциплинам.

Говоря в целом о направлении этнографического образования, думается — наиболее важными для подготовки молодых специалистов, способных работать в любой области этнографии, следует считать курсы лекций, посвященные фундаментальным вопросам региональной этнографии

(страноведению), основам истории первобытного общества, историографии этнографии, проблемные специальные семинары. К числу важнейших дисциплин следует отнести курсы по этнографии народов СССР и зарубежных стран, историографии этнографии и источниковедению, истории хозяйства и материальной культуры, социальной организации, истории семьи и брака, религии, антропологии, теории этноса. Нет никакого сомнения в том, что эти дисциплины составляют суть и смысл этнографии. Однако процесс преподавания нуждается в постоянном совершенствовании. Поэтому рассмотрим, какие изменения уже внесены в настоящее время в действующий учебный план и какие высказываются предложения по его дальнейшему совершенствованию.

Остановимся прежде всего на проблемах страноведения. В свое время по инициативе Н. Н. Чебоксарова было начато чтение параллельных семестровых и двухсеместровых курсов по «странам»: Австралии и Океании, Африке, Зарубежной Азии, Америке, Европе (о двухсеместровом курсе «Народы СССР» уже говорилось выше). Вместить все эти «страны» в учебный план в виде обязательных предметов было невозможно из-за ограниченности часов, отводимых на специализацию. Поэтому предполагалось, что каждый студент изберет две (позднее — четыре) обязательные «страны», прочие же будет изучать факультативно. Много лет подряд эта практика себя оправдывала, и молодые специалисты получали весьма основательную страноведческую подготовку. Однако со временем эта система стала давать сбой, прежде всего вследствие перегрузки студентов. В результате вместо отдельных «стран» начиная с текущего года введен четырехсеместровый единый курс «Этнография зарубежных стран». В принципе это нововведение следует приветствовать, однако возникает проблема, связанная с глубиной и качеством получаемых студентами знаний по страноведению. Бесспорно, сведения по этнографии всех зарубежных стран трудно уложить в три семестра по два часа в неделю, не говоря уже о том, чтобы обеспечить высокий уровень и достаточную глубину подачи материала. Вследствие этого возникает необходимость рассмотрения возможности расширения этого важнейшего фундаментального курса, тем более что немалая часть выпускников кафедры продолжает изучать именно народы зарубежных стран. Еще в большей степени это касается обучающихся на кафедре этнографии иностранных студентов.

Значительным достижением следует считать двукратное увеличение лекционных часов на курсы «История первобытного общества» и «Этнография» для всех студентов исторического факультета. Если до этого года оба курса читались вместе в течение одного первого семестра, то теперь на «Историю первобытного общества» отводится весь первый семестр, на «Этнографию» — третий.

Весьма принципиальным представляется обсуждение вопроса о модернизации этнографического образования, подход к отбору и введению в учебный план новых дисциплин. С этим связан и кардинальный вопрос — какие из них считать фундаментальными, какие вспомогательными предметами и каким образом следует их вводить.

Что касается фундаментальности, то автор обсуждаемой статьи выдвигает *четыре*, на его взгляд, актуальных «приоритетных направления», на которых «в предстоящие годы до конца столетия» следует сосредоточиться этнографии, в том числе и в области преподавания» (№ 3, с. 66). Думается, первые три предлагаемые «приоритетные направления»: 1) роль этнического фактора (как одного из аспектов «человеческого фактора») в реализации НТР, в ускорении и интенсификации производства и совершенствовании социальных отношений в СССР; 2) оптимизация межнациональных (межэтнических) отношений при социализме; 3) методы прогнозирования этнических процессов и управление ими; интернациональное воспитание граждан — далеко выходят за рамки собственно этнографии и в значительной степени находятся в компетенции других наук. Развивать эти направления чисто этнографическими методами невозможно, и этнографы могут в лучшем случае участвовать в

комплексных исследованиях совместно с представителями других наук. За пределами названных тем оказались наиболее фундаментальные проблемы собственно этнографии: этногенез и этническая история, теория этноса, история хозяйства, семьи, материальной и духовной культуры, без чего нельзя понять современные этнические и национальные процессы.

Четвертое из указанных в статье В. В. Пименова «приоритетных направлений» — критический анализ развития современной буржуазной этнографии — несомненно, является фундаментальной проблемой. Однако не следует забывать, что и в истории буржуазной этнографии еще остается много «белых пятен». Представляется необходимым подчеркнуть и важное значение истории русской и советской этнографии.

Теперь о предлагаемых для введения в учебный план кафедры новых курсов. Естественно, жизнь идет вперед, наука развивается, возникают новые научные направления, практические задачи, на которые необходимо реагировать, совершенствуя подготовку специалистов. Но при этом следует иметь в виду, что путь научного поиска в чисто научных учреждениях и развитие системы этнографического образования не могут, да, пожалуй, и не должны целиком совпадать. Что необходимо и дозволено в научном поиске в академических учреждениях, не всегда может безоговорочно внедряться без известной проверки временем в преподавание. Если метод проб и ошибок допустим в научном исследовании, то в педагогическом процессе такого рода эксперименты чреваты опасностями, дезориентацией студентов и аспирантов, невозможными потерями. В связи с этим следует предварительно серьезно взвесить, имеет ли смысл вводить в качестве фундаментальных, а не факультативных такие дисциплины, как этнопсихология (дисциплина, сущность которой не до конца выяснена специалистами), прогнозирование этнических процессов (проблема, также недостаточно разработанная в науке) и т. п.

Общеизвестно, что объем читающихся на кафедре дисциплин самым жестким образом лимитируется учебным планом факультета. Поэтому существует единственная альтернатива: вводя новую дисциплину, приходится идти на сокращение или ликвидацию других составляющих учебного плана. При этом погоня за «модным» может нанести непоправимый ущерб фундаментальному образованию. Следует самым тщательным образом уяснить, нужно ли введение новой дисциплины, обязательно учитывая при этом перспективы распределения студентов. Кроме того, особенно важно, с педагогической точки зрения, то, что пробел в знании по фундаментальным проблемам и предметам трудновосполним, а может быть, и вовсе невозможным, тогда как в случае необходимости разного рода вспомогательными навыками можно овладеть в сравнительно короткое время в условиях практической деятельности. Поэтому ни в коем случае нельзя допускать вытеснения из педагогического процесса фундаментальных курсов, иначе неизбежно произойдут обеднение, ухудшение качества подготовки молодых специалистов, да и вообще потеря сущности этнографии и ее специфики как самостоятельной науки.

Сказанное совершенно не исключает необходимости знакомства студентов и аспирантов с ходом научного поиска в этнографии. В какой-то степени это уже делается на названном выше факультативе второго курса, проводится силами ведущих сотрудников Института этнографии АН СССР. Кроме того, можно широко вводить другие факультативы, на которые следует привлекать не принуждением, а интересными лекциями, что будет свидетельствовать о высоком качестве преподавания. Совершенно недостаточно используются и возможности научного студенческого общества. Таким образом, следует интенсивно изыскивать возможности для вовлечения в орбиту подготовки молодых специалистов всего нового, что возникает в этнографической науке, не сокращая и не ухудшая при этом основной подготовки, которая только и делает студентов и аспирантов профессиональными этнографами. Их научный потенциал, как показала практика, во многих случаях не просто соответствует мировому уровню, а существенно превосходит его. Об этом свиде-

тельствуют доклады наших специалистов на международных форумах и популярность отечественных этнографических публикаций за рубежом.

Хочется поддержать ряд полезных, на мой взгляд, положений, высказанных В. В. Пименовым в обсуждаемой статье. Так, целиком следует поддержать мысль о необходимости совершенствования и углубления теоретико-методологической направленности преподавательской работы, что, впрочем, всегда находилось в центре внимания кафедры. Справедливо и предложение о необходимости развития этнографического образования, расширения сети кафедр этнографии в университетах страны, повышения практической роли этнографии, вплоть до создания специальной этнографической службы. Пропаганде этих идей в свое время много сил отдал С. А. Токарев. К числу важнейших вопросов повышения качества педагогического процесса следует отнести материально-техническое оснащение кафедры, в настоящее время практически отсутствующее. Недостает даже простейших географических карт, не говоря уже о разного рода наглядных пособиях и какой-либо сложной технике. Верно и то, что полевую экспедиционную практику студентов следует ориентировать не только на сбор эмпирического материала, но и на его научную обработку. Однако в связи с этим нельзя не отметить, что помимо задач по сбору материала кафедра с момента своего возникновения обращала самое серьезное внимание на научное использование собранных этнографических материалов, о чем свидетельствуют сотни курсовых и дипломных работ, а также созданные на их основе кандидатские и докторские диссертации.

Нельзя согласиться с мнением автора обсуждаемой статьи о том, что «действовавший до сих пор учебный план не отвечает современным требованиям...» и что «в настоящее время кафедра этнографии подготовила новый учебный план...» (с. 66). О задачах фундаментальной этнографической подготовки и соответственно о том, что должен содержать учебный план, достаточно было сказано выше. Что же касается «нового» учебного плана, то сопоставление старого и нового учебных планов свидетельствует о том, что в последний не внесено существенных изменений и он основывается на тех же принципах, которые были заложены в него С. П. Толстовым, Н. Н. Чебоксаровым, С. А. Токаревым, — принципах, которые едва ли следует считать не отвечающими современным требованиям. Осторожного подхода требует также предложение о превращении ряда лекционных курсов в семинары. То, что полезно для естественных и технических специальностей, не всегда применимо для гуманитарных наук, и предлагаемый путь может не только не повысить качество и фундаментальность образования, а, наоборот, его снизить.

Рассматриваемая проблема настолько широка, что обсуждаемая статья не могла охватить всех вопросов, связанных с обучением и воспитанием профессиональных этнографов. Вне поля зрения остались многие важные аспекты собственно воспитательной работы со студентами, аспирантской подготовки, страдающей не просто существенными недостатками, а органическими пороками, так как практически кафедра готовит преимущественно научных работников, а не преподавателей. Требуют серьезного обсуждения конкретные задачи интенсификации полевой этнографической практики. И, как говорилось выше, главное состоит в выяснении того, что мы понимаем под фундаментальностью и качеством подготовки молодого этнографа.

Еще раз хочу в заключение подчеркнуть, что для осуществления актуальных задач перестройки этнографического образования необходимы глубокий и всесторонний анализ опыта нашей работы, учет удач и промахов в конкретных звеньях педагогического процесса, выяснение качества нашего «конечного продукта» — знаний и практических навыков выпускников кафедры этнографии МГУ и других учебных этнографических центров. Обсуждение проблем и практическое их решение должны происходить на основе демократии и гласности, с привлечением широкого круга преподавателей — профессиональных этнографов и сотрудников научно-исследовательских учреждений.

Г. Е. Марков

Нет сомнений, что вопросы, затронутые в статье В. В. Пименова «Обучение и воспитание профессионального этнографа: проблемы перестройки», чрезвычайно злободневны и назрели давно. Еще в начале 1960-х годов поднималась проблема этнографического образования в нашей стране, в том числе ставился вопрос о введении преподавания этнографии в педагогических вузах, училищах и в школе. Помню, как мы, тогдашние студенты, радовались этому и надеялись получить работу по специальности в средней или высшей школе. Нужно прямо сказать, что сами этнографы из-за своей инертности, я бы даже сказал, равнодушия более всех повинны в том, что воз и ныне там.

Попытки привлечь внимание к проблемам обучения этнографов на этнографических конференциях и сессиях по итогам полевых работ не имели успеха. Долгое время в решениях таких этнографических форумов не удавалось включить рекомендации к расширению и углублению этнографического образования в СССР. И это в стране, где проживают свыше 100 наций и народностей и большой массив национальных групп. Выпускник педагогического института часто не имеет достаточно четкого представления о том, что такое этнография, не говоря уже о каких-то этнографических знаниях, так необходимых ему для работы в инонациональных и разнонациональных ученических коллективах. Разве это не парадокс?

Указанные вопросы очень остро прозвучали на Всесоюзной научной конференции «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний» в мае 1987 г. в Омске. 300 участников конференции единодушно указали на необходимость серьезной перестройки системы этнографического образования СССР, что важно для повышения эффективности руководства народным хозяйством, управления социальными и культурными процессами, идеологической работой. Были высказаны предложения о расширении объема преподавания этнографических знаний в средней школе в рамках таких предметов, как история и география, а также через организацию факультативов по основам этнографии и по этнографии народов СССР.

Участники конференции в Омске выступили с предложением ввести, наконец-то, обязательное преподавание этнографии на исторических факультетах педагогических институтов, в историко-архивном институте, институтах культуры, архитектурных и театрально-художественных институтах, в консерваториях, а также на географических, филологических (и особенно на отделениях журналистики) и юридических факультетах вузов, в высших партийных школах, культпросветучилищах. Были высказаны пожелания о преподавании в пединститутах и институтах культуры, расположенных в союзных и автономных республиках, автономных областях и округах, специальных или факультативных курсов по этнографии этих регионов.

В статье В. В. Пименова прозвучало беспокойство о состоянии университетского этнографического образования в нашей стране. Действительно, до обидного мало у нас кафедр этнографии в вузах. Мы считаем, что во всех университетах страны нужно быстрее вводить в учебный процесс специализацию по этнографии и открывать во всех ведущих университетах кафедры этнографии. Чтобы штаты музеев были укомплектованы специалистами-этнографами, нужно интенсивнее, как нам представляется, развивать в университетах музейную специализацию. Кстати, начиная с 1987 г. кафедра этнографии, исторнографии и источниковедения Омского университета организовала чтение курса лекций по музееведению на историческом факультете с целью подготовки кадров этнографов для музеев Сибири и сопредельных регионов.

Важной представляется этнографическая работа среди населения. Как показал пока небольшой опыт организации Сибирской заочной этнографической школы при Омском университете, энтузиастов-этнографов в нашей стране очень много. Сотни людей разного возраста (от пионеров до пенсионеров) записались в нашу заочную школу. В своих письмах они обеспокоены почти полным отсутствием краеведческой работы в мес-

тах, где они живут. Думается, что краеведение может открыть огромные возможности для развития этнографического образования, оказать большую помощь этнографическим исследованиям в СССР. Необходимо всемерно расширять сеть этнографических и этнографо-краеведческих кружков студентов и школьников.

Хорошо бы продумать и решить вопрос о создании научного Этнографического общества СССР. Мы уверены, что в него вступили бы десятки тысяч советских граждан. Об этом также говорилось на Всесоюзной научной конференции в Омске. Инициатором организации такого общества мог бы стать Институт этнографии АН СССР.

Мы поддерживаем предложение В. В. Пименова о том, что вузовским ученым-этнографам нужно наладить постоянные творческие контакты, как личные, так и между вузами союзных республик. Полезен был бы межреспубликанский и межрегиональный обмен студентами и аспирантами на время проведения экспедиционных работ и студенческой этнографической практики. При подготовке этнографов следовало бы ввести спецкурс этнографического рисунка, что повысило бы культуру зарисовок, выполненных в этнографических экспедициях.

К четырем научным направлениям, выделенным В. В. Пименовым, в качестве приоритетных для этнографической науки в вузах, нужно, как нам представляется, добавить изучение традиционной и современной культуры, включая обрядность, а также исследование проблем этнической истории. Развитие именно этих направлений дает возможность раскрыть общность этногенетических и исторических судеб многих народов нашей страны, многообразие их связей в прошлом и настоящем, утвердить уважение к национальным культурам и интернационализм.

Что касается вопроса о необходимости отделения курса «Истории первобытного общества» от курса лекций по этнографии, поднятом в статье В. В. Пименова, то здесь можно лишь удивляться тому, как долго этот вопрос решался на историческом факультете Московского университета. В системе университетов Минвуза РСФСР разделение этих курсов произошло еще 20 лет назад.

Автор обсуждаемой статьи справедливо указывает на необходимость совершенствования студенческой этнографической практики в университетах. Совершенно неверно предлагать студентам на выбор либо археологическую, либо этнографическую практику. Часто этот вопрос решается в пользу археологической практики даже в ведущих университетах нашей страны. Считаю, что этнографическая практика должна стать обязательной для студентов исторических факультетов всех вузов. Ведь она дает не только этнографические знания, но и опыт общения с людьми, практические знания. А для студентов-горожан это часто вообще первое знакомство с деревенским бытом, с жизнью инонациональных групп.

Очень плодотворно предложение В. В. Пименова о проведении в полевых условиях обработки и интерпретации студентами собранных материалов. Мы хотим обратить внимание на большую эффективность и такой формы работы, как ежегодные студенческие научные конференции в поле по результатам практики и экспедиций, которые этнографы Омского университета проводят уже на протяжении полутора десятка лет.

На наш взгляд, очень полезна организация групп студентов-этнографов для выполнения коллективных этнографических и этносоциологических исследований. Нужно, наконец-то, прямо сказать, что в самой советской этнографической науке очень много нерешенных вопросов и белых пятен по этнографии многих народов и целых регионов СССР и очень мало этнографов-специалистов. Поэтому и необходимо преодолеть самоуспокоенность этнографов, их равнодушие к этнографическому образованию и срочно решить назревшие проблемы. Это вытекает из потребности как можно скорее интенсифицировать этнографические исследования и приблизить их к практическим задачам ускорения и обновления нашего социалистического общества.

Н. А. Томилов